

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452

Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Марина Анатольевна ДУБОВА

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
140410, Российская Федерация, Московская обл., г. Коломна, ул. Зеленая, 30

✉ dubovama@rambler.ru

Аннотация. Проанализирован концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности ребёнка в период его младенчества и в ранние детские годы на лингвистическом материале первой книги автобиографического романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Таким образом предметом исследования является лингвокогнитивная модель концепта «Мыслительная деятельность» с ядром и системой периферийных средств. Мыслительная деятельность как компонент характеристики языковой личности занимает важное место в когнитивной лингвистике, поэтому актуальность представленной статьи, состоящая в обращении к феномену языковой личности персонажа художественного произведения, проблеме её типологии и методики описания, не вызывает сомнений. Цель статьи заключается в выявлении и последующем анализе лексических средств репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» и его функционировании в романе на основе статистического, описательного методов и метода концептуального анализа. В выводах обосновано, что мыслительная деятельность ребёнка отражает специфику его возрастного и интеллектуального развития, особенности его окружения, социально-экономические и культурно-исторические условия, в которых он растёт, связана с коммуникативными стратегиями его языковой личности. Материалы статьи могут найти практическое применение в вузовских курсах по текстологии, когнитивной лингвистике, лингвистическому анализу текста.

Ключевые слова: мыслительная деятельность, языковая личность, концепт, ребёнок, концептуальный анализ, память, лексическая репрезентация

Для цитирования: Дубова М.А. Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 444-452. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The concept of “Mental activity” as a component of the hero's linguistic personality in the novel by I.A. Bunin's “Life of Arseniev”

Marina A. DUBOVA

State Social and Humanitarian University
30 Green St., Kolomna 140410, Moscow Region, Russian Federation

✉ dubovama@rambler.ru

Abstract. The work analyzes the concept of “Mental activity” as a component of the linguistic personality of a child during his infancy and early childhood on the linguistic material of the first book of the autobiographical novel by I.A. Bunin's “Life of Arseniev”. Thus, the subject of the research is the linguo-cognitive model of the concept of “Mental activity” with a core and a system of peripheral means. Cognitive activity as a component of the characteristics of a linguistic personality occupies an important place in cognitive linguistics. Thus, the relevance of the presented article lies in the appeal to the phenomenon of the linguistic personality of the character of a work of art, the problem of its typology and method of description. The purpose of the article is to identify and then analyze the lexical means of representing the concept of “Mental activity” and its functioning in the novel based on statistical, descriptive methods and the method of conceptual analysis. In the conclusions reached by the author of the article, it is substantiated that the mental activity of a child reflects the specifics of his age and intellectual development, the characteristics of his environment, the socio-economic and cultural-historical conditions in which he grows up, is associated with the communicative strategies of his linguistic personality. The materials of the article can find practical application in university courses on textual criticism, cognitive linguistics, and linguistic text analysis.

Keywords: mental activity, linguistic personality, concept, child, conceptual analysis, memory, lexical representation

For citation: Dubova M.A. Kontsept «Myslitel'naya deyatel'nost'» kak komponent yazykovoy lichnosti geroya v romane I.A. Bunina «Zhizn' Arsen'yeva» [The concept of “Mental activity” as a component of the hero's linguistic personality in the novel by I.A. Bunin's “Life of Arseniev”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 444-452. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-444-452> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Не вызывает сомнений тот факт, что язык «функционирует в личностном универсуме, или лингвоперсонологическом пространстве» [1, с. 35], что, в свою очередь, актуализирует «изучение человеческого разума, мышления и ментальных процессов и состояний, которые с ними связаны» [2, с. 6]. Язык, по сути, является основным средством выражения знаний человека о мире, вследствие чего когнитивный мир человека изучается «по его поведению и деятельности, протекающих при активном участии языка, кото-

рый образует речемыслительную основу любой человеческой деятельности» [2, с. 8]. Одним словом, в результате действия когнитивных механизмов формируются представления человека о мире, составляющие основу концепта как некой ментальной сущности, «оперативной единицы памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [3, с. 43]. Иначе говоря, актуализация изучения языка и языковых единиц сквозь призму антропологической парадигмы, являющаяся отличительной чертой современного научного знания, значительно

расширяет диапазоны лингвистической науки, в частности, когнитивной лингвистики [4–6]. Таким образом, обращение к феномену языковой личности героя автобиографического романа И.А. Бунина и методике её описания с учётом антропологической направленности современной лингвистики и определяет в целом **актуальность** предпринятого исследования, **объектом** которого выступает «персонаж художественного текста как виртуальная языковая личность» [7, с. 5]. **Предметом** же научно-исследовательского интереса является лингвокогнитивная модель концепта «Мыслительная деятельность» как компонент характеристики языковой личности ребёнка. Обозначенная исследовательская **цель** реализуется в ряде задач, состоящих в выявлении и анализе лексических средств репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» и особенностей его функционирования в первой книге автобиографического романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1927–1933 гг.), в котором «автор сообщает о собственном внутреннем формировании» [8, с. 128], на основе анализа персонажной и неперсонажной субъектных речевых сфер. Не вызывает сомнений утверждение М.В. Михайловой о том, что «Жизнь Арсеньева» – это роман, «раскрывающий этапы созревания души творческого человека, вернее, этапы формирования творческого отношения к жизни в целом... «феноменологический роман», то есть такой, где речь идёт об отношении автора к жизни как стихийному потоку (феномену), где важна случайность и непреднамеренность происходящего, где есть попытка возвращения к утраченному и сокрытому смыслу бытия» [9, с. 42–43].

Таким образом, анализируя концепт «Мыслительная деятельность» с позиций моделирования языковой личности Алёши Арсеньева, мы исходим из понимания того, что в центре романного повествования находится «судьба юноши, существующего и формирующегося в обстоятельствах русской порубежной реальности конца XIX – начала XX века» [10, с. 24] со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сразу отметим, что под языковой личностью нами будет пониматься «любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризован-

ный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [11, с. 671].

Как известно, мыслительная деятельность является важным компонентом в характеристике языковой личности персонажа, поскольку именно мышление и память позволяют фиксировать и сохранять знания человека о мире, оценивать происходящие события на основе сложившейся системы ценностей. Наконец, мыслительный процесс отражает мировосприятие человека как фрагмент его языковой картины мира. Более того, концепт «Мыслительная деятельность» участвует в организации таких уровней языковой личности, как тезаурус и прагматикон, что, в свою очередь, и определяет наш исследовательский интерес к выявлению и осмыслению «прагматических установок, которые определяют мировоззренческие основы и коммуникативные стратегии языковой личности» [7, с. 14].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В романе представлена лингвокогнитивная модель концепта «Мыслительная деятельность» с ядром и системой периферийных средств. Отсюда возникает набор лексически неоднородных средств, его реализующих. Репрезентативная структура концепта «Мыслительная деятельность» преимущественно представлена такими лексико-семантическими средствами, как глаголы и глагольные выражения со значением интеллектуальной деятельности.

Ядро концепта составляет глагол «думать», встречающийся в тексте первой книги романа 12 раз в различных грамматических формах и употребляемый в первом словарном значении – «направлять мысли на кого-что-н., размышлять» [12, с. 156]. Примечательно, что глагольная лексема «думать» впервые появляется только в 10 главе первой книги, реализуя уже вполне осознанный, а не, как это было в первых главах, подсознательно ощущаемый, чувственный взгляд подросткового и получившего определённый

жизненный опыт героя, познавшего даже таинство смерти. В сознании Алёши уже сформировалось некое представление о Боге, а также связанных с ним категориях жизни и смерти, их взаимообусловленности и взаимоопределяемости. На уровне своего детского мышления герой очень чётко осознал, что смерть, равно как и жизнь, связана с ним, с Богом. Подтвердим сказанное примерами из текста: *Когда и как приобрёл я веру в Бога, понятие о нём?.. Думаю, что вместе с понятием о смерти* [13, с. 43]; *...думая и боясь, как бы и впрямь не оказалась эта ночь нашей последней ночью на земле* [13, с. 44]; *Думал так и я и всегда ложился в постель с тяжёлым сердцем перед могущим быть в эту роковую ночь Страшным судом* [13, с. 44]; *...и всё, о чём бы я ни думал, что бы я ни видел, связывалось у меня с Сенькой* [13, с. 44]; *...а я глядел и думал, для чего это?* [13, с. 51]; *Думаю, что и я когда-то принадлежал (к рыцарству)* [13, с. 51]; *Я уже думал: «А может, бог даст, я ещё не выдержу!»* [13, с. 62]; *Что я думал, если это только были думы? Я думал, конечно, о гимназии, об удивительных людях, которых я видел в ней... Я думал о стригуне, которого я видел в бороне на пашне. Я смутно думал так: вот как всё обманчиво на свете...* [13, с. 67]. Анализируя перечисленные контексты, прокомментируем, о чём же думает маленький герой? На что направлен его мыслительный процесс? В первую очередь, объектами его мыслительной деятельности, конечно, становятся ежедневные впечатления, которые расширяют пространственно-временные границы мира Алёши и пополняют его жизненный опыт: стригун, встреченный на пашне, гимназия, в которой предстоит учиться, и т. д. Но не это главное. В основном все мысли героя сосредоточены вокруг до конца не осознаваемого им в силу своего возраста понятия «вера в Бога». Сквозь его призму он пытается осмыслить многие происходящие в его жизни события, в частности, оставившую неизгладимый след в его памяти смерть Сеньки, затем Наденьки, пытаясь в силу своего возраста сформулировать некие философско-религиозные универсалии жизни: почему смерть забирает детей в раннем возрасте, даёт ли вера в Бога душевное равновесие и т. д.

Другие лексические единицы располагаются на разном расстоянии от ядра, что обусловлено их семантической близостью к общему значению поля. Это и объясняет тот факт, что границы между ядром, центром и периферией весьма условны.

Лексическими средствами вербализации концепта «Мыслительная деятельность» выступают такие группы глаголов, как:

1) *помнить (не помнить)* (23) и его лексические дериваты *вспоминать* (9), *запомнить*, (4), *напомнить* (1) в разных грамматических формах с общим лексическим значением глаголов «помнить» – «сохранять, удерживать в памяти» [12, с. 483] и «вспомнить» – «возобновить в своей памяти» [12, с. 91]. Лексемы со значением памяти активно включаются автором в текстовые фрагменты, репрезентирующие внутреннюю речь героя: *...помнить и блюсти свою кровь* [13, с. 28]; *Я помню большую, освещённую предосенним солнцем комнату...* [13, с. 28]; *Помню до сих пор, как я томился, стоя среди двора* [13, с. 30]; *Помню, что ехали мы целую вечность* [13, с. 30]; *Как въехали мы в город, не помню. Зато как помню городское утро!* [13, с. 31]; *Помню солнце пекло всё горячее траву и каменное корыто на дворе, воздух всё тяжелеет...* [13, с. 37]; *Много ли таких дней помню я? Очень мало* [13, с. 41]; *Полдень помню такой: жаркое солнце, волнующие кухонные запахи* [13, с. 41]; *Помню поездки к обедне, в Рождество* [13, с. 41]; *Я помню весёлые обеденные часы нашего дома* [13, с. 42]; *Помню, как сладко спала вся усадьба в долгое послеобеденное время...* [13, с. 42]; *Помню вечерние прогулки с братьями* [13, с. 42]; *Помню какую-то дивную лунную ночь* [13, с. 42]; *Помню страшные слова: надо немедленно дать знать становому, послать стеречь «мёртвое тело»* [13, с. 43]; *Помню: однажды вбежав в спальню матери, я вдруг увидел себя в небольшое трюмо* [13, с. 46]; *...помнится, загар мальчика в зеркале был бледный...* [13, с. 46]; *...появился у нас снова [Баскаков], – когда именно, не помню, но появился* [13, с. 47]; *Помню, двор был пуст, в доме почему-то было тоже пусто...* [13, с. 49]; *Помню особенно две [книги]* [13, с. 53]; *Ах, как помню я эти минуты!* [13, с. 58]; *Помню: однажды осенней ночью я почему-то проснулся* [13, с. 34]; *Но я уже знал, пом-*

нил, что я не один в мире [13, с. 34]; Мы знаем, что **помним** [13, с. 32]; Младенчество своё я **вспоминаю** с печалью [13, с. 28]; ...мы, с трудом **вспоминающие** порой даже вчерашний день! [13, с. 32]; ...в детской душе остаётся больше всего яркое, солнечное, и поэтому мне теперь **вспоминается**, кроме этой осенней ночи, всего две–три тёмные картины [13, с. 34]; **Вспоминая** сказки, слышанные и читанные в детстве, до сих пор чувствую, что самыми пленительными были в них слова о неизвестном и необычном [13, с. 39]; Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листве, я и, умирая, **вспомню** [13, с. 49]; Но нет-нет, **вспоминалась** и Сашка, к которой я однажды... испытал что-то особенно сладостное и томящее [13, с. 51]; **Вспомнил** я всё, что я видел, чем жил когда-то в своих прежних, незапамятных существованиях [13, с. 53]; ...всё это именно так, как я впервые **вспомнил** тридцать лет тому назад [13, с. 53]; Это слово [серафическим] часто **вспоминалось** мне, и я смутно чувствовал то жуткое, чарующее и вместе с тем неприятное, что заключалось в нём [13, с. 62]; ...кучер сказал на весь век **запомнившееся** мне слово: «В аккурат сапожки!» [13, с. 31]; Однако я сперва не **запоминал** их – в детской душе остаётся больше всего яркое, солнечное... [13, с. 34]; Много раз, конечно, видал я себя в зеркале и раньше и не **запоминал** этого, не обращал на это внимание [13, с. 46]; К одному я был холоден и забывчив, другое ловил с восторгом, со страстью, навсегда **запоминая**... [13, с. 55]; Этот запах стал даже навсегда дорогим мне, **напоминающим** ту странную зиму [13, с. 60].

Эта лексическая группа самая обширная, что вполне понятно, если обратиться к жанровой природе произведения – автобиографический роман. Исходя из специфики жанра, не вызывает никаких вопросов важная роль категории памяти, раскрывающей мыслительный процесс героя, встроенный в формат воспоминаний о прошлом. В этом и состоит своеобразие языковой личности Алёши Арсеньева, в которой соединились в единое целое мысли ребёнка – героя романа и воспоминания о детстве и отрочестве, сопровождающиеся самоанализом и самооценкой, уже взрослого автора, создавшего этот роман, имеющего за плечами большой жиз-

ненный опыт, пережившего разочарование в детских и отроческих мечтах.

«Память», «выступая компонентом нашего сознания и наших знаний о мире» [2, с. 33], принадлежит к числу универсальных концептов, формирующих модель мира в каждой культуре. В силу этого ей присущи как общие, универсальные черты, так и индивидуальные, определяющиеся спецификой национального менталитета. В семантике этой лексемы – «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений» [12, с. 480] – уже заложена её важная роль в формировании национальной самоидентичности. Именно эти черты памяти реализуются в тексте романа «Жизнь Арсеньева» применительно к образу главного героя, в рамках его мыслительного процесса: Почему именно в этот день и час... и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло моё сознание столь ярко, что явилась возможность уже действиям **памяти** [13, с. 28]; Почему же остались в моей **памяти** только минуты полного одиночества? [13, с. 29]; Детство стало понемногу связывать меня с жизнью, – теперь в моей **памяти** уже мелькают некоторые лица... некоторые события [13, с. 30]; Утро, которое представляется мне теперь, складывается из отрывочных, разрозненных картин, мелькающих в моей **памяти** [13, с. 41].

Уже заглавие произведения «ориентирует читателя на уровень философского обобщения, на размышления о человеческой жизни. Таким образом, в центре авторского внимания находится мыслительная деятельность ребёнка, напрямую связанная со способностью человека помнить, то есть воспроизводить в памяти прошедшие события» [14, с. 32].

Итак, в первую очередь концепт «память» раскрывается как компонент мыслительного дискурса и мироощущения главного героя. Именно он выступает в романе «носителем определённой концептуальной системы» [2, с. 41]. В этой системе органично соединены разнообразные концепты как «суть ментальные сущности» [2, с. 41]. Как известно, в каждом концепте сведены в единое целое и объединены наиболее важные для человека знания о мире, в силу чего система концептов в итоге образует картину мира челове-

ка, его мировидение или мироощущение – «отношение человека к окружающей действительности, обнаруживающееся в его настроениях, чувствах, действиях» [12, с. 304].

Что же хранит память героя, какие детали прошлого не отпускают его? В эту группу входят отглагольные существительные *воспоминание* (3) – «мыслительное воспроизведение чего-н., сохранившегося в памяти» [12, с. 85] и *запоминание* (1) – «сохранение в памяти чего-н.» [12, с. 187]: *Самое первое воспоминание моё есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение* [13, с. 28]; *Дальнейшие мои воспоминания о моих первых годах на земле более обыденны и точны, хотя всё также скудны, случайны, разрозненны* [13, с. 32]; *...всегда радует человека перемена обстановки, связанная с надеждой на что-то хорошее или, может быть, просто с бессознательными воспоминаниями давнего былого, кочевых времён* [13, с. 61]; *Преимущественное запоминание только одних счастливых часов приблизительно с тех пор кончилось* [13, с. 46].

2) Следующую группу лексических единиц, вербализующих концепт «Мыслительная деятельность», представляют глаголы *знать/не знать* (12), *узнать* (4), *познать* (1) с общим лексическим значением глагола «знать» – «иметь сведения о ком-чём-нибудь; обладать какими-нибудь познаниями; иметь о ком-чём-нибудь понятие, представление» [12, с. 201]: *Что мы вообще знаем! Я знаю только то, что в гербовнике род наш отнесён к тем, «происхождение коих теряется во мраке времён». Знаю, что род наш знатный, хотя и захудалый»*... [13, с. 27]; *А я уже и тогда знал всё это* [13, с. 29]; *Мы знаем, что помним* [13, с. 32]; *Я уже знал, что мы стали бедные*... [13, с. 42]; *...знал, что задонское имя уже «затрепало»* [13, с. 42]; *Значит, я их уже знал (слова о смерти) когда-то?* [13, с. 43]; *...и я уже знал и даже порой со страхом чувствовал, что на земле все должны умереть* [13, с. 44]; *Не знаю точно, когда, в какое время года это случилось, и сколько мне было тогда лет* [13, с. 46]; *А более точно знаю только то, что мальчик мне понравился*... [13, с. 46]; *И я знаю, что я прежде к нему [рыцарству] принадлежал* [13, с. 51]; *Я стал интересоваться им и вот уже кое-что узнал о нём: то, что*

он никогда ничего не делает [13, с. 32]; *А затем постепенно смелея, мы узнали скотный двор, конюшню, каретный сарай, гумно*... [13, с. 37]; *Я вскоре после того узнал одного замечательного в своём роде человека* [Баскакова] [13, с. 46]; *Смерть Нади, первая, которую я видел воочию, надолго лишила меня чувства жизни – жизни, которую я только что узнал* [13, с. 59]; *И вот я расту, познаю мир и жизнь в этом глухом и всё же прекрасном краю* [13, с. 35].

В эту же семантическую группу входит отглагольное существительное *знание* (2) – «совокупность сведений, познаний в какой-н. области» [12, с. 201]: *Слишком скудно знание, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь, – есть другое, бесконечно более богатое, то, с которым мы рождаемся* [13, с. 32]; *Сам угадал при помощи своего собственного знания, особенную, жуткую душу его* [13, с. 32].

Примечательно, что сам герой уже в детском возрасте осознаёт недостаточность знаний, получаемых человеком за всю его жизнь.

В частности, особенностями детского мышления и мировосприятия объясняется множество возникающих в его сознании вопросов, не понятных ему фактов и событий, которые вводятся в текст путём включения лексемы «неизвестный» и её корневых дериватов – «такой, о котором не знают, нет сведений, который не определён, не изучен» [12, с. 346], которая, кстати, также начинает встречаться в тексте по мере взросления Алёши, то есть, когда он уже задумывается над многими происходящими в его жизни и жизни окружающих ему людей событиями и явлениями (начиная с 13 главы 1-й книги), что опять же свидетельствует о его взрослении и, как следствие, расширении кругозора и глубине мыслительных операций: *Впрочем, ведь и всё в мире было бесцельно, неизвестно зачем существовало, и я уже чувствовал это* [13, с. 50]; *...неизвестно зачем, уже восемьдесят лет жила в своей старосветской усадьбе... бабушка* [13, с. 51]. Таким образом, мы видим, что факты, которые остаются за пределами понимания мальчика, невольно притягивают его внимание и вызывают настойчивое желание постичь их суть, касается ли это долгой бабушкиной жизни или вооб-

ще смысла человеческого существования. Более того, автор на примере мыслительного процесса Алёши Арсеньева утверждает, что *«мы должны знать, что всё в этом **непостижимом** для нас мире должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое Божье намерение»* [9, с. 43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, лексический анализ концепта «Мыслительная деятельность» с позиций моделирования языковой личности главного героя автобиографического романа И.А. Бунина Алёши Арсеньева показал, что особенности репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» персонажа напрямую определяются вписанностью его в конкретную историко-культурную действительность, сквозь призму которой и представляется возможным постижение его личности и «комплекса её характеристик (отношение к действительности, к людям, эмоциональный и оценочный статус, интересы)» [14, с. 430].

Реконструкция обозначенной концептом «Мыслительная деятельность» понятийной сферы даёт возможность представить важную сторону ментальных процессов Алёши Арсеньева – его понимание собственного интеллектуального развития, осуществляемого путём расширения его знаний о мире и осознания своего места в нём. Благодаря мыслительным процессам, его кругозор и мировосприятие расширяются: *«первым воспоминанием была освещённая солнцем комната»* [13, с. 29], потом дом, Выселки, город. Он изучает окружающие его предметы, события, участником которых становится, людей, с которыми встречается, чтобы сформировать своё мнение о них, и тем самым получает первый жизненный опыт. Так постепенно возникновение различных мысле-образов в сознании Алёши приводит к появлению в его лексиконе номинаций, репрезентирующих мыслительные действия героя в виде глагольных языковых единиц, в которых вы-

ражаются его мысли относительно воображаемых картин.

Текст романа предоставляет нам возможность сделать вывод о том, что мыслительная деятельность персонажа проходит довольно активно. Специфику её составляет постоянное обращение к мыслям *«о поднебесном просторе, о близости с Богом и белокрылыми ангелами»* [13, с. 29]. Отсюда преобладающими характеристиками коммуникативных стратегий языковой личности Алёши в первой книге романа становятся одиночество и связанные с ним печаль и тоска. Герой пока не торопится пускать кого-то в своё пространство, где ему комфортно. Лексическими репрезентантами данной стратегии выступают следующие единицы: *младенчество своё я вспоминаю с печалью* [13, с. 28]. *Почему же остались в моей памяти только минуты **полного одиночества*** [13, с. 29], *...вижу я себя в доме... и опять в **одиночестве*** [13, с. 30]; *смешение глубочайшей тоски, скорби* [13, с. 32] и под.

Кроме того, содержание концепта «Мыслительная деятельность» обогащается понятийной категорией, связанной с религиозной сферой, особенно в первые годы жизни ребёнка, когда приход в земной мир он оценивает как утерянную связь с Богом.

Таким образом, проведённый анализ концепта «Мыслительная деятельность» позволяет нам сформировать представление о его лингвокогнитивной модели строения, имеющей полевою структуру. Нами была установлена и описана система объективирующих его языковых средств. Основное внимание мы уделили репрезентации глаголов интеллектуальной деятельности в текстовом материале первой книги романа «Жизнь Арсеньева», воссоздающей период младенчества и перехода к отрочеству взрослого персонажа. В заключении подчеркнём, что средства репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания личности ребёнка.

Список литературы

1. Мельник Н.В. Текстовое моделирование языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, проектирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. 640 с.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.

3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
4. Когнитивные исследования языка. Вып. 27: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 779 с.
5. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.
6. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление. М.: Высш. шк., 2005. 367 с.
7. Родина Ю.Д. Языковая личность персонажа в автобиографической прозе А. Белого (на материале романа «Котик Летаев»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2020. 17 с.
8. Николаев П.А. Бунин // Русские писатели: Библиогр. слов.: в 2 ч. Ч. 1. А–Л / редкол.: Б.Ф. Егоров и др.; ред.-сост. П.А. Николаев. М.: Просвещение, 1990. С. 125-128.
9. Михайлова М.В. И.А. Бунин // Русская литература XIX–XX веков: в 2 т. Т. 2: Русская литература XX века. Литературоведческий словарь / сост. и науч. ред. Б.С. Бугров, М.С. Голубков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 38-92.
10. Роговер Е.С. Русская литература XX века. Санкт-Петербург: САГА; Москва: ФОРУМ, 2004. 493 с.
11. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. С. 671-672.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
13. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Роман. Тёмные аллеи: Рассказы / вступ. ст. и примеч. О. Михайлова. М.: Литература: Мир книги, 2005. 496 с.
14. Дубова М.А., Ларина Н.А. Языковая личность героя в рассказе В. Брюсова «В башне» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 429-430.

References

1. Melnik N.V. Tekstovoye modelirovaniye yazykovoy lichnosti [Text modeling of linguistic personality]. *Yazykovaya lichnost': modelirovaniye, tipologiya, proyektirovaniye. Sibirskaya lingvopersonologiya. Ch. 1* [Linguistic Personality: Modeling, Typology, Design. Siberian Linguopersonology. Pt 1]. Moscow, LENAND Publ., 2014, 640 p. (In Russian).
2. Maslova V.A. *Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011, 296 p. (In Russian).
3. Kubryakova E.S. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1996, 245 p. (In Russian).
4. Demyankov V.Z. (executive ed.). *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vyp. 27: Antropotsentricheskiy podkhod v kognitivnoy lingvistike: sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive Studies of Language. Issue 27: Anthropocentric Approach in Cognitive Linguistics: Collection of Scientific Works]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., Tambov, Publishing House of Derzhavin State University, 2016, 779 p. (In Russian).
5. Boldyrev N.N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, editsakh i kategoriakh [Anthropocentric nature of language in its functions, units, and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2015, no. 1 (42), pp. 5-12. (In Russian).
6. Vorozhbitova A.A. *Teoriya teksta: antropotsentricheskoye napravleniye* [Text Theory: Anthropocentric Direction]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005, 367 p. (In Russian).
7. Rodina Y.D. *Yazykovaya lichnost' personazha v avtobiograficheskoy proze A. Belogo (na materiale romana «Kotik Letayev»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Linguistic Personality of the Character in the Autobiographical Prose of A. Bely (Based On the Novel “Kitty Letaev”). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Elets, 2020, 17 p. (In Russian).
8. Nikolayev P.A. Bunin [Bunin]. *Russkiye pisateli: Bibliograficheskiy slovar': v 2 ch. Ch. 1. A–L* [Russian Writers: Bibliographic Dictionary: in 2 pt. Pt 1. A–L]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990, pp. 125-128. (In Russian).
9. Mikhaylova M.V. I.A. Bunin [I.A. Bunin]. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: v 2 t. T. 2: Russkaya literatura XX veka. Literaturovedcheskiy slovar'* [Russian Literature of the 19th–20th Centuries: in 2 vols. Vol. 2: Russian Literature of the 20th Century. Literary Dictionary]. Moscow, Moscow State University Publ., 2010, pp. 38-92. (In Russian).
10. Rogover E.S. *Russkaya literatura XX veka* [Russian Literature of the 20th Century]. St. Petersburg, SAGA Publ., Moscow, FORUM Publ., 2004, 493 p. (In Russian).

11. Karaulov Y.N. Yazykovaya lichnost' [Linguistic personality]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., Drofa Publ., 1997, pp. 671-672. (In Russian).
12. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1986, 797 p. (In Russian).
13. Bunin I.A. *Zhizn' Arsen'yeva: Roman. Temnyye allei: Rasskazy* [Arseniev's Life: A Novel. Dark Alleys: Tales]. Moscow, Literatura Publ., Mir knigi Publ., 2005, 496 p. (In Russian).
14. Dubova M.A., Larina N.A. Yazykovaya lichnost' geroya v rasskaze V. Bryusova «V bashne» [Language personality of a character in the story "In the Tower" by V. Bryusov]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture and Education*, 2020, no. 5 (84), p. 429-430. (In Russian).

Информация об авторе

Дубова Марина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Московская область, Российская Федерация, dubovama@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6906-1002>

Вклад в статью: анализ концепта «Мыслительная деятельность» как компонента языковой личности персонажа вносит существенный вклад в организацию тезауруса и прагматикона конкретной языковой личности, в выявление и осмысление прагматических установок, определяющих мировоззренческие основы и коммуникативные стратегии языковой личности.

Статья поступила в редакцию 20.02.2021
Одобрена после рецензирования 19.03.2021
Принята к публикации 25.03.2021

Information about the author

Marina A. Dubova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Language and Literature Department, State Social and Humanitarian University, Kolomna, Moscow Region, Russian Federation, dubovama@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6906-1002>

Contribution: analysis of the concept "Mental activity" as a component of a character's linguistic personality makes a significant contribution to the organization of the thesaurus and pragmatics of a particular linguistic personality, to the identification and comprehension of pragmatic attitudes that determine the ideological foundations and communicative strategies of a linguistic personality.

The article was submitted 20.02.2021
Approved after reviewing 19.03.2021
Accepted for publication 25.03.2021